

Игорь Панин

Поэт, публицист, литературный критик. Родился в 1972 году в г. Новохоперске Воронежской области. В конце семидесятых переехал с семьей в Грузию, где окончил среднюю школу и Тбилисский государственный университет (факультет филологии). Автор нескольких книг стихов и публицистики. Долгое время работает в «Литературной газете», в настоящее время редактирует сайт издания. Неоднократно бывал в Донбассе. Вместе с поэтом Алексеем Шороховым основал гуманитарную писательскую миссию «"Буханка" для Донбасса».

Освободители

За Днепром до утра не стихает заря
и не глохнет опять канонада.
Мы затеяли это, конечно, не зря
потому что так надо.

Не впервой против всех, и не так-то легко,
но об этом давно нас просили.
Наконец территория средних веков
станет югом России.

Мы и эти, и те заберём берега,
остановимся, где пожелаем.
И заглянет в холодные бельма врага
лишь луна пожилая.

Непреренно поэты восславят вдогон
небылинные грозные были, —
как мы рвали укрепления, как грызли бетон,
как мы бились и били.

И кропя своей кровью опять и опять
полевые волнистые травы,
мы на всю эту землю, на каждую пядь
претендуем по праву.

Не летит мотылёк на огонь,
не черствеет надкушенный хлеб.
Одеяло подправив ногой,
замираешь, как ножик в чехле.

И не хочется думать о том,
что в пруду ещё плавает лёд.
Поутру недочитанный том
на растопку, конечно, пойдёт.

Непроглядная дачная жизнь,
но до лета пока далеко.
Так что знай по участку кружись —
и бездельем, и долгом влеком.

А когда долетает хандра
от вороньих распущенных орд,
из гитары часа полтора
выжимай за аккордом аккорд.

Не стрекочет кузнечик в траве,
не находится банка сардин.
Наливаешь под вечер по две,
хоть и пьёшь по привычке один.

Марш похоронной команды

Обороной не славимся мы,
и атака — не наша стихия.
Но объехав поля и холмы,
все углы перешарим глухие:
глаз намётан, набита рука,
и привычка к жестокой болтанке;
фронта линия недалеко,
собираем привычно останки.

Сортируем добычу свою,
опасаясь то мин, то растяжек.
Погибаем порой не в бою,
и паёк наш не менее тяжек.
Но наград не видать что ушей,
на героев совсем не похожи;
узнают нас по взглядам уже
и по запаху стойкому тоже.

Мы не воины — так говорят,
повстречать нас — плохая примета.
Разложили мешки свои в ряд —
получили спасибо за это.
И по новой к позициям мчим,
не кончается наша работа;
кем-то задан нелёгкий почин,
и теперь убирать должен кто-то.

Наше дело — молчать и не сметь
напрягать тех, кто скован и робок.
Вы предвидеть не сможете смерть,
нам же с нею тереться бок о бок,
проверяя участки, где днём
вьются мухи томительным роем...
Но однажды вот так подойдём
и спокойно глаза вам закроем.

Мобилизация

Шумно переулками, дворами,
так напоминая салажат,
шли вчера, смеялись и орали,
а теперь и новые спешат.

Только подойдя к военкомату,
разложив баулы у дверей,
закурив и выболтавшись матом,
все они серьёзней и мудрей.

Доблести напрасной не бывает,
каждый для чего-нибудь рождён.
Нам расскажет пресса фронтовая,
как там они лезли на рожон.

И поймём из сводок образцовых,
что не всем ребятам повезло;
жалко, что не знали мы в лицо их,
не узнать и общее число.

Но воздать ещё придётся дань им:
и кому-то — крест, кому — звезда;
лишь не нужно мутных оправданий,
ибо правы раз и навсегда.

Вот они — наивны и чудесны,
многого ещё не взявши в толк,
под ногами не увидев бездны, —
выполняют непривычный долг.

Тяги нет к чужому караваю,
просто слишком дорог свой уют.
На войне вообще-то убивают,
но не всех, конечно же, убьют.

Бодро переулками, дворами,
шли и шли, и вот опять они
гомонят беспечно утром ранним...
Господи, спаси их и храни.

Заедают дверные замки,
и светильник в прихожей моргает,
а заняться опять не с руки —
выплываешь из ванной, нагая...
Новогоднее близится — вот
засверкает огнями, заблещет.
Но с тобою никто не живёт,
только старые вещи.

Эти книги, в которые век
не глядели хотя бы для вида.
Эти шторы, за сменами вех
расползавшиеся, как повидло.
На диване, на полках, в шкафах
доверительно жмутся друг к дружке
потерявшие плюшевый страх
ампутанты-игрушки.

Не дождёшься и малых чудес,
на портреты безвольно глаза;
здесь чужое, здесь давнее, здесь
ты как будто ночуешь в музее.
Собирается пыль по углам,
стынет жир в недоеденном супе.
И пока ты не выбросишь хлам,
новый год не наступит.

Соседи

Проведать заходили и, бывало,
рецепты бабушке всучали.
А я лежал под толстым одеялом
и улыбался им вначале;
и засыпал, в поту холодном бредя,
чтоб ночью снова раскалиться
и мчаться на таинственной карете
в провинциальную больницу.

И я не помню многого, но знаю,
как жар изматывает скоро,
а кашель хриплый, грудь переминая,
берёт не силой, но измором.
...Ночные страхи, жгучие уколы,
а дрожь никак не проходила,
твердили что-то нянечки с укором,
мол, потерпеть необходимо.

Я и терпел, и думал, что, конечно,
вся улица переживает,
как я лечусь на станции конечной,
откуда вывезет кривая.
И яблоки на тумбочке лежали,
привычным запахом дурманя;
я их не ел, но мне, воображале,
хватало одного вниманья.

Гостинцами заваливали, ибо
такими были люди эти,
которым позабыл сказать «спасибо»
(как вечно забывают дети).
Заеденные пахотой и бытом,
уставшие от сплетен и морали,
они все в прошлом, давнем и забытом,
и все они поумирали.

Страхов моих конвой
взмахом рассей.
Не дорожу канвой
повести сей.

Не говорю о том,
что не сбылось.
Это плохой симптом —
тайная злость.

Видишь, каков финал —
тёмный тупик.
Кто меня здесь догнал,
живо настиг?

Солнечное тепло
грянет в четверг.
Где мой бывлой апломб?
Сам всё отверг...

И от себя устав,
и от других,
новый пишу устав,
множа круги.

...Стылая боль, а с ней —
снова к врачу.
Мог бы сказать ясней,
но промолчу.

Серая мгла — по мураве.
 Осень ползла, как муравей,
 не торопясь, шарясь кругом...
 Хлюпала грязь под сапогом.
 Я прибежал — тонок и мал.
 Кто от ножа там умирал?
 Вечер погас, ветер затих,
 но не для нас и не для них.

Что за бичи, что за дела?
 Бились в ночи, юшка текла.
 Мы, детвора, ждали чудес,
 но не игра — жуткое здесь.
 Вот они, вот; всё нипочём:
 финкой в живот, в лоб кирпичом.
 Кто в лопухах тихо стenal?
 Ширился страх, словно стена.

...Зубы стучат. Ближе они:
 «Этих сучат на хрен гони!»
 Вот и летим мы по домам —
 без хворостин, окриков мам.
 Лучше не знать, что там и как...
 Стен белизна, сдавленный мрак,
 спать бы пора, и набекрень —
 смотрит с ковра — добрый олень.

Баюшки-бай, завтра менты
 скажут: «Вставай, видел же ты...»
 Утро мудрей. Бойким дождём,
 скрипом дверей я пробуждён.
 С ночи свежо — смыло следы
 боли чужой, чьей-то беды.
 Столько концов в лужу — бултых;
 нет мертвецов, нет понятых.

Выберусь я из одеял,
ждут же друзья (кто б устоял?),
и, осмотрясь, — к месту бегом.
Хлюпает грязь под сапогом.
В полной тиши верю глазам —
нет ни души. Только из-за...
из-за угла — сорок сорók.
Осень ползла через порог.

Такая пора настала,
что тянет залечь под сень;
не нужно ни пьедестала,
ни памятника совсем.

О славе уже ни слова,
и хватка-то — не ахти:
каким коридором снова
в какой кабинет войти?

Закрыты повсюду двери,
устойчивые к плечу.
И я не желаю верить,
надеяться не хочу.

Но в этом скупая правда,
сермяжная благодать;
да будь хоть главою прайда —
век воли не увидеть.

И я не один таковский,
не сбывшийся наяву.
Не вынесет перековки
поверье, каким живу.

А ветер холодно-встречный,
играясь, сбивает с ног.
Собьёт и меня, конечно.
Такие дела, сынок.

Камчатка

В краю медведей и вулканов,
и рек рычащих,
я б заплутал однажды, канув
в корявой чаще.

И ни записки, в самом деле,
ни вести вещей.
А в тёмном номере отеля —
скучают вещи.

Ищи теперь свищи владельца —
вот сумка, куртка...
Но будет знать, куда я делся,
лишь Ворон Кутха.

Глубинна, выпукла, обширна
страна родная;
как накачу стакан за ширмой —
не вижу дна я.

Хватает мест, где притулиться
в простой одежде.
Но те, что дальше от столицы, —
они надёжней.

В краю источников горячих —
бескрайни дали;
меня коряки там упрячут
и камчадалы.

Никем особо не гонимый,
но беспокойный,
осяду в ранге анонима
в заросшей пойме.

Чтоб занять себе по чину
достойный выдел.
Чтоб непростой моей кончины
никто не видел.

Ничего особо не желая,
никаких не требуя чудес,
ожила деревня нежилая —
только я протиснулся сквозь лес.

Закачались кустики на крышах,
вздыбился на чёрных стенах мох...
Диву дался б я, о том услышав,
если б от кого услышать мог.

Неуютно, смутно, как во мраке.
Кислой прелью веет сквозь меня, —
будто нечто подает мне знаки,
листьями тревожно гомоня.

К лишнему окну не приникая,
пробираюсь улицей кривой,
где текла какая-никакая
жизнь, давно поросшая травой.

А умели всё же ставить срубы!
Был такой секрет у мужика...
Плотником смекалистым и грубым
подбирались брёвна на века.

Но дома в большие домовины
обратились в оны времена.
Не найти теперь уже повинных,
если позабылась и вина.

Дабы не тревожить чьи-то тени,
не тереться взглядами о жуть,
поступью бесшумных привидений
через лес обратно ухожу.

Среднерусские стансы

Неподвластная воле
выпадает судьбина —
преисполнена боли
и тоски ястребиной.

Степь от края до края,
ни угла, ни пристенка.
Будешь петь, помирая,
как разбойничал Стенька.

Что тебе обломилось,
кроме самых обломков?
Не пеняй на ранимость,
душу некогда скомкав.

Обещал всё исправить,
но себе не товарищ.
Только из топора ведь
каши точно не сварить.

Сквозь дырявые крыши
лётся мутное небо.
Что б ещё расчекрыжить —
дуракам на потребу?

После белой и чёрной —
полоса ножевая.
Но храбришься упорно,
лишь врагов наживая.

И не светит в тоннеле,
и не меркнет в зеницах.
Все звонки отзвенели,
представление длится...

Не роняя престижа,
не надеюсь на милость.
Я себя ненавижу
так, как вам и не снилось.

С нерадостной усмешкой очевидца
свидетельствую – всем пришлось несладко.
В сухом остатке: дачная земляца,
моих друзей стареющие лица,
моих врагов слабеющая хватка.

И вот я, пребывающий в печали,
не прошмыгнувший ни в ферзи, ни в дамки,
пожму картинно рыхлыми плечами,
как будто жизнь совсем ещё в начале
и протекает в неприступном замке.

А всё сбылось не так, как затевалось,
а затевалось тоже без расчёта.
Растил к себе невиданную жалость, —
она всё истончалась и сужалась,
и сгнула совсем... Какого чёрта?!

И нет уже ни слов, ни озарений,
как будто бы прижали у забора,
не мешкая, в тени густой сирени
по голове трубой стальной огрели —
а значит, оклемаешься не скоро.

Но потому-то нечего бояться —
мне до конца играть придётся, значит,
роль тунеядца, если не паяца.
...Я знаю, что не стоит удивляться,
но удивляюсь — так или иначе.

И чем старше становишься — тем веселей
невесёлое льётся вино.

И бредёт по листве невесомых аллей
за тобою толпа мертвецов.

И куда б ни стремился, куда б ни спешил —
всюду чувствуешь их за спиной.

И мурашки слетают к подножью души,
оседавая крупной ледяной.

Обернувшись, узнаешь, конечно, отца,
заприметишь кого из родни.

И не будет причины уже отрицать,
что тебя догоняют они.

Опускаются руки, теряется статья...

Боже мой, сколько памятных лиц!

Я бы мог вдохновенно сейчас накатать
хоть о каждом с десятков страниц.

Но не время, не место, толпа всё растёт,
а в альбоме не хватит листов.

И готов я, наверное, сам в переплёт.

Или всё-таки я не готов?

На малой родине

Не чистятся канавы вдоль дороги,
и тротуары зарастают.

Тут точно позабудешь о зароке,
история простая.

Не возражай, когда и впрямь не надо,
давай возьмём ещё пол-литра.

Ты оцени, какая здесь прохлада,
как зелень монолитна.

Сейчас бы пригласить подруг из детства,
к столу придвинуть пыльных кресел...
Но им от внуков никуда не деться,
и я — не интересен.
А где ребята наши? О погоде
да о рыбалке потрепаться...
Ну, так в тюрьме, в земле и на подходе, —
загнул всего три пальца!..

Дом — бодрый старичок, а вот времянка —
кряхтит лачугой обветшалой.
Я не раскис и не настолько пьян, как
хотелось бы, пожалуй.
И не пойду по улице вразвалку,
схватив подсушенный подсолнух.
Мне марку поддержать свою не жалко
в глазах старушек сонных.

Горсад залит бетоном ли, цементом?
И спилены все гулливеры...
Зла не хватает мне при виде этом
и в будущее веры.
И не с кем перекинуться словечком;
не собеседник сам себе я.
Привязан к месту, полагал, навечно,
но путы всё слабее.

Забрезжит свет — к реке парной спуститься,
как в прошлом, спиннингом играя;
чтоб надо мной — горящая денница,
в ногах — трава сырая.
И с болью чужака и инородца,
заплакать, оглядев просторы,
о мальчике, который не вернётся,
о мальчике, который...